

ЕСТЬ на Центральном телевидении одна очень популярная передача — «Кабачок 13 стульев». По экранному долгожительству она не знает себе равных в мире. В чем несомненная заслуга и заслуженного артиста РСФСР Спартана Мишулина, чей светлый талант, словно добрый магнит, притянул к себе и собрал вокруг себя советские друзья, не менее интересных актерских личностей — Рудольфа Рудина, Ольгу Аросеву, Бориса Рунге, Владимира Козела, Валентину Шарыкину и других.

Наш корреспондент недавно взял у него интервью.

— **Спартак Васильевич, во время гастролей в Шевченко Вам был оказан зрителями столь горячий прием, что мне почудилось, будто Вас горожане захотели «перетянуть» к себе директором «Треста»?**

— О-о, это было бы лестным для меня предложением. Правда, сказывают, что подходящего «Треста», где я, как пан Директор, мог бы естественным образом «развалить работу», для меня здесь все-таки нет. Впрочем, мне и нельзя покидать свое «насиженное место» в телевизионном «Кабачке 13 стульев», так как ко мне очень хорошо относятся и пан Беспальчик, и пан Гималайский, и пани Моника, и пани Катаринка — все. Все. Привыкли, говорят, ко мне. Научились, это самое, обводять вокруг пальца.

— **Вы себя одинаково «уютно» чувствуете и на телевидении, и в театре, и в кино. Очень серьезную роль сыграли, например, Вы в фильме «Белое солнце пустыни». Немного об этой своей работе расскажите, пожалуйста.**

— Роль красноармейца действительно очень и очень серьезная. Как я «попал» в этот первый в моей творческой биографии фильм? Ну, у меня был очень хороший товарищ — Владимир Леонтьевич Ежов, который совместно с драматургом Ибрагимовым написал сценарий к картине «Белое солнце пустыни». Именно Владимир Леонтьевич посоветовал режиссеру-постановщику взять меня на роль героя-красноармейца, которого враги закапывают живьем по горло в горячий песок пустыни.

Я горячо взялся за эту работу. Как говорится, пошел наперекор некоторым скептикам, которые считали, что эта роль — не для меня, комедийного актера, выступающего к тому же в постоянной цикловой «шутевой» телевизионной передаче.

Сниматься в «Белом солнце пустыни», правда, было нелегко. По ходу работы над фильмом возникла для меня, например, такая проблема — либо побрить голову, либо сделать «лысый парик». Вначале остановили «выбор» на парике. Снялся в нем день, другой. И пришлось констатировать: с париком на грим уходит довольно много времени — до четырех часов. И меня побрили. И тут новая проблема. Съемки фильма проходили в страшную жару, песок раскалялся. И вот в такую жару было адски тяжело под палящим солнцем. Даже съемочная группа не выдерживала, уходила к морю, в тень на перерыв. Предлагали меня «выкапывать» из ямы. Но на это тоже уходило немало времени. И я категорически отказался от этой «услуги». Так и работал. И ничего, выдержал. Роль, по отзывам критиков, мне удалась.

Огромное удовольствие было играть в этом фильме с плеядой прекрасных актеров, в том числе с безвременно ушедшим из жизни Пашей Луспекаевым. Он сам на съемочной площадке являл собой пример большого гражданского мужества.

— **А теперь немного о Карлсоне, «который живет на крыше».**

— Это тоже один из моих самых любимых персонажей. Мы вначале готовили сценический вариант «Карлсона». В пьесе мне отводилась совсем другая роль, главный образ мне, как говорится, и не снился. Карлсона должен был играть Високовский, потом Долинский. Но по стечению обстоятельств получилось так, что за 20 дней до

выпуска спектакля этих актеров в театре не оказалось. И тогда главный режиссер вызвал меня к себе: «Спартак, выручай». И мне пришлось, как говорится, спасти эту «горящую» роль. Я ее, откровенно говоря, вначале несколько побаивался. Времени на создание образа было в обрез, а образ оказался своеобразным, сложным — материализованная мечта о необычном, прекрасном. И — постоянная «игра».

Помнится, на первых наших спектаклях многие зрители не смогли сдержать своих слез, когда слушали вот этот, например, монолог: «Люди! Вечно занятые взрослые! Вспомните: у вас у всех был такой же колокольчик. Вы слышите нас? Откройте окна настежь, чтобы колокольчик мог влететь, как в детстве, к вам в окно!». У меня была большая зрительская почта в ответ на эту роль.

Она мне удалась, наверное, прежде всего потому, что я сам очень люблю детей и еще очень люблю тех взрослых людей, которые не стесняются быть и в зрелые годы иногда чуть-чуть детьми.

— **Пришла пора, наверное, взглянуть в Ваш телевизионный «Кабачок 13 стульев».**

— Что о нем сказать... Это наше трудное и, откровенно говоря, довольно хлопотное «детище». Впервые он вышел в телевизионный эфир под заглавием «Добрый вечер» по сценарию редактора ЦТ Рустема Габайдулина 16 января 1966 года. Передача была подготовлена.

И понравилась телезрителям. Сделали вторую серию. Число писем удвоилось — с просьбой продолжить подобные выпуски. Чтобы предоставить неограниченный простор фантазии авторов, решили не конкретизировать тех или иных лиц, а придумать к ним «маски». Родилась идея использовать в передаче юмор наших зарубежных друзей. «Добрый вечер» был переименован в «Кабачок 13 стульев». Под этой «вывеской» он существует и поныне.

Конечно, далеко не все выпуски «Кабачка» удачны. Тем не менее, сама по себе прекрасна форма нашей передачи. Она по духу своему долговечна. И ее, как свидетельствует многочисленная почта ЦТ, очень и очень любит большинство телезрителей. Это радует. Радует то, что в нашей стране люди любят и умеют смеяться до слез, всегда отзывчивы на шутку, юмор, метко сказанное слово. Особенно это чувствуешь, когда выступаешь вместе с коллективом «13 стульев» непосредственно в цехах заводов, фабрик, на колхозных и совхозных полях.

— **Ваши любимые роли в Московском театре сатиры...**

— Мы знаете, для меня не существует такого разграничения — любимые, нелюбимые. Все роли одинаково дороги мне. И над всеми, даже над самыми крохотными, я работаю с полной отдачей сил. Вот пример. В «Клопе» В. Маяковского режиссер Плучек отвел для меня, казалось бы, очень маленький актерский «участок» — пьяницы, где я «выступаю» со словами: «В девятнадцатом веке чудно жили человеки — пили воду, пили пиво, сизый нос висел, как слива». Все. Больше ничего нет. Но роль-то важна для раскрытия общей идеи пьесы. И вот мы долго не могли «поднять» ее, усилить. Я вначале пантомимой задумал ее решить. Получился голый, страшный, прямой натурализм. Тогда мой партнер Оскар Волин «добавил» к роли слова, а композитор Кремер — музыку. И роль вдруг «завушала» легко, иронично, в духе фейерверка, в духе «Клопа». Так вот я ищу «подход» к каждой своей большой и маленькой роли, и каждую свою роль я люблю. А если я буду к своим ролям относиться как-то иначе, зритель это сразу поймет и не простит мне этого.

— **Что Вы пожелаете в заключение встречи нашим читателям?**

— Только одно. Дружите, друзья, с юмором. Он очень помогает в жизни.

Вел интервью наш корр. **Л. ЮХНЕВИЧ**.

Смеяться, правда, не грешно

Встречи для вас